

19-11-2-3

306
1918

ПАСХАЛЬНЫЙ НОМЕРЪ. **НОВЫЙ**
САТИРИКОН

№ 9

ЦѢНА ОТД. № въ розн. продажѣ 85 к. и на ст. жел. дор. 95 к.

МАЙ 1918

Рис. Ре-Ми.

У ЗАКОЛОЧЕННОЙ ЦЕРКВИ.

Ждетъ Воскресенія Христова...

МОЛОДНЯКЪ.

Разсказъ Арк. Аверченко

Нѣтъ ничего безкорыстнѣе дѣтской дружбы... Если прослѣдить начало ея, ея истоки, то въ большинствѣ случаевъ наткнешься на самую внѣшнюю, до смѣшного пустую причину ея возникновенія: или родители ваши были „знакомы домами“ и таскали васъ, маленькихъ, другъ къ другу въ гости—или нѣжная дружба между двумя крохотными человечками возникла просто потому, что жили они на одной улицѣ, или учились оба въ одной школѣ, сидѣли на одной скамейкѣ—и первый же раздѣленный братски пополамъ и съѣденный к сокъ колбасы съ хлѣбомъ посѣялъ въ юныхъ сердцахъ сѣмена самой нѣжнѣйшей дружбы.

Фундаментомъ нашей дружбы—Мотья, Шаша и я—послужили всѣ три обстоятельства: мы жили на одной улицѣ, родители наши были „знакомы домами“ (или, какъ говорятъ на югѣ—знакомы домамы); и всѣ трое вкусили горькіе корни ученія въ начальной школѣ Марьи Антоновны, сидя рядомъ на длинной скамейкѣ, какъ желуди на одной дубовой вѣткѣ.

У философовъ и у дѣтей есть одна благородная черта—они не придѣютъ значенія никакимъ различіямъ между людьми—ни социальнымъ, ни умственнымъ, ни внѣшнимъ. У моего отца была галантерейная лавка (аристократія), Шашинъ отецъ работалъ въ порту (плебсъ, разночинство), а Мотьякина мать просто существовала на проценты съ грошевого капитала (рантье, буржуазія). Умственно Шаша стоялъ гораздо выше насъ съ Мотькой, а физически Мотьяка почитался среди насъ—веснушчатыхъ и худосочныхъ—красавцемъ.

Ничему этому мы не придавали значенія... Братски воровали незрѣлые арбузы на баштанахъ, братски ихъ пожирали и братски же катались потомъ по землѣ отъ нестерпимой желудочной боли. Купались втроемъ, избивали мальчишекъ съ сосѣдней улицы втроемъ и насъ били тоже всѣхъ трехъ—единосушно и нераздѣльно.

Если въ одномъ изъ трехъ нашихъ семействъ пеклись пироги—ѣли всѣ трое, потому что каждый изъ насъ почиталъ святой обязанностью съ опасностью для фасада и тыла воровать горячіе пироги для всей компаніи.

У Шашинаго отца—рыжебородого пьяницы—была прескверная манера лупить своего отпрыска гдѣ бы онъ его не достигалъ, а такъ около него всегда маячили и мы, то этотъ прямолинейный демократъ билъ и насъ на совершенно равныхъ основаніяхъ.

Намъ и въ голову не приходило роптать на это, и отводили мы душу только тогда, когда Шашинъ отецъ брелъ обѣдать, проходя подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, а мы трое стояли на мосту и, свѣсивъ головы внизъ, заунывно тянули:

Рыжій, красный

Человѣкъ опасный...

Я на солнышкѣ лежалъ,

Кверху бороду держалъ...

— Сволочи!—грозилъ снизу кулакомъ Шашинъ отецъ.

— А ну иди сюда, иди,—грозно говорилъ Мотьяка.— Сколько васъ нужно на одну руку?..

И если рыжій гигантъ взбирался по лѣвой сторонѣ насыпи, мы какъ воробыи вспархивали и мчались на правую сторону—и наоборотъ. Чего тамъ говорить—дѣло было безпроегрышное.

Такъ счастливо и безмятежно жили мы, росли и развивались до шестнадцати лѣтъ.

А въ шестнадцать лѣтъ дружно, взявшись за руки, подошли мы къ краю воронки, называемой жизнью, какъ щепки попали въ водоворотъ, и водоворотъ закружилъ насъ.

Шаша поступилъ въ наборщики въ типографію „Электрическое Усердіе“. Мотю мать отправила въ Харьковъ въ какую-то хлѣбную контору, а я остался непристроеннымъ, хотя отецъ и мечталъ „опредѣлить меня на умственные занятія“—что это за штука я и до сихъ поръ не знаю. Признаться, отъ этого сильно пахло писцомъ въ мѣщан-

ской управѣ, но къ моему счастью, не оказывалось вакансій въ означенномъ мрачномъ и скучномъ учрежденіи...

Съ Шашей мы встрѣчались ежедневно, а гдѣ былъ Мотьяка и что съ нимъ—объ этомъ ходили только туманные слухи, сущность которыхъ сводилась къ тому, что онъ удачно „опредѣлился на занятія“ и что сдѣлался онъ такимъ франтомъ, что не подступись.

Мотьяка постепенно сдѣлался объектомъ нашей товарищеской гордости и лишенныхъ зависти мечтаній возвыситься современемъ до него, Мотьяки.

И вдругъ случилось свѣдѣніе, что Мотьяка долженъ прибыть въ началѣ Апрѣля изъ Харькова „въ отпускъ съ сохраненіемъ содержанія“. На послѣднее усиленно попирала Мотьякина мать, и въ этомъ сохраненіи содержанія видѣла бѣдная женщина послѣдній лавръ въ побѣдномъ вѣнкѣ завоевателя міра Мотьяки.

II.

Въ этотъ день не успѣли закрыть „Электрическое Усердіе“, какъ ко мнѣ ворвался Шаша и, сверкая глазами, свѣтясь, отъ восторга, какъ свѣчка, сообщилъ, что уже видѣли Мотьяку бѣющимъ съ вокзала и что на головѣ у него настоящій цилиндръ!..

— Такой, говорятъ, франтъ, — горделиво закончилъ Шаша,—такой франтъ, что пусти-вырвусь.

Эта неопредѣленная характеристика франтовства разожгла меня такъ, что я бросилъ лавку на приказчика, схватилъ фуражку—и мы помчались къ дому блестящаго друга нашего.

Мать его встрѣтила насъ нѣсколько важно, даже съ примѣсью надменности, но мы впопыхахъ не замѣтили этого и, тяжело дыша, первымъ долгомъ потребовали Мотю.

Огвѣтъ былъ самый аристократическій:

— Мотя не принимаетъ.

— Какъ не принимаетъ?—удивились мы:— Чего не принимаетъ?

— Васъ принять не можетъ. Онъ сейчасъ очень усталъ. Онъ сообщить, вамъ, когда сможетъ принять.

Всякой шикарности, всякой респектабельности должны быть границы. Это уже переходило даже тѣ широчайшія границы, которыя мы себѣ начертили.

— Можетъ быть, онъ нездоровъ?..—попытался смягчить ударъ деликатный Шаша.

— Здоровъ-то онъ здоровъ... Только у него, онъ говорить, нервы не въ порядкѣ... У нихъ въ конторѣ передъ праздниками было много работы... Вѣдь онъ теперь уже помощникъ старшаго конторщика. Очень на хорошей ногѣ.

Нога, можетъ быть, была и подлинно хороша, но насъ она, признаться, совсѣмъ придавила: „нервы, не принимаетъ“...

Возвращались мы, конечно, молча. О шикарномъ другѣ впредь до выясненія не хотѣлось говорить. И чувствовали мы себя такими забытыми, такими униженно-жалкими, провинциальными, что хотѣлось и расплакаться и умереть или, въ крайнемъ случаѣ, найти на улицѣ сто тысячъ, которые дали бы и намъ шикарную возможность носить цилиндръ и „не принимать“—совсѣмъ какъ въ романахъ.

— Ты куда? спросилъ Шаша.

— Въ лавку. Скоро запирать надо. (Боже, какая проза!) А ты?

— А я домой... Выпью чаю, поиграю на мандолинѣ и завалюсь спать.

Проза не меньшая! Хе-хе.

III.

На другое утро—было солнечное воскресенье—Мотьякина мать занесла мнѣ записку: „Будьте съ Шашей въ городскомъ саду къ 12 часамъ. Намъ надо немного объяснить и пересмотрѣть наши отношенія. Уважаемый вами Матвѣй Смѣлковъ“.

Я надѣлъ новый пиджакъ, вышитую крестиками бѣлую рубашку, зашелъ за Шашой и—побрели мы со стѣсненными сердцами ни это дружеское свиданіе, котораго мы такъ жаждали и котораго такъ инстинктивно, панически боялись.

Пришли, конечно, первые. Долго сидѣли съ опущенными головами, руки въ карманахъ. Даже въ голову не пришло обидѣться, что великолѣпный другъ нашъ заставляетъ ждать такъ долго.

Ахъ! Онъ былъ дѣйствительно великолѣпенъ... На насъ надвигалось что-то сверкающее, пестрое, до крика эlegantное, бряцающее многочисленными брелоками и скрипящее лакомъ желтыхъ ботинокъ съ перламутровыми пуговицами.

Пришелецъ изъ невѣдомаго міра графовъ, золотой молодежи, каретъ и дворцовъ—онъ былъ одѣтъ въ коричневый жакетъ, бѣлый жилетъ, какіе-то сиреневые брючки, а голова увѣнчивалась сверкающимъ на солнцѣ цилиндромъ, который если и былъ малъ, то размѣры его уравнивались огромнымъ галстукомъ съ такимъ же огромнымъ брилліантомъ. Палка съ лошадиной головой обременяла правую аристократическую руку. Лѣвая рука была обтянута перчаткой, цвѣта освѣжеваннаго быка. Другая перчатка высовывалась изъ внѣшняго кармана жакета такъ, будто грозила намъ своимъ вялымъ указательнымъ пальцемъ: „вотъ я васъ!.. Отнеситесь только безъ должнаго уваженія къ моему носителю“.

Когда Мотя приблизился къ намъ развинченной походкой пресыщеннаго денди, добродушный Шаша вскочилъ и, не могши сдержать порыва, простеръ руки къ сиятельному другу:

— Мотья! Вотъ, братъ, здорово...

— Здравствуйте, здравствуйте, господа, — солидно кивнулъ головой Мотья и, пожавъ наши руки, опустился на скамейку...

Мы оба стояли.

— Очень радъ видѣть васъ... Родители здоровы? Ну, слава Богу, пріятно я очень радъ.

— Послушай, Мотья...—началь я съ робкимъ восторгомъ въ глазахъ.

— Прежде всего, дорогіе друзья, — внушительно и вѣско сказалъ Мотья—Мы уже взрослые и поэтому „Мотьку“ я считаю опредѣленнымъ „кель выражансомъ“... хе хе... Не правда ли. Я уже теперь Матвѣй Семенычъ—такъ меня и на службѣ зовутъ, а самъ бухгалтеръ за ручку здороваётся. Оборотъ предпріятія два милліона. Вообще, мнѣ бы хотѣлось пересмотрѣть въ корнѣ наши отношенія.

— Пожалуйста, пожалуйста, — пробормоталъ Шаша. Стоялъ онъ, согнувшись, будто свалившимся невидимымъ бревномъ ему переломило спину.

Передъ тѣмъ, какъ положить голову на плаху, я малодушно попытался отодвинуть этотъ моментъ.

— Теперь опять стали носить цилиндры?—спросилъ я съ видомъ чловѣка, котораго научныя занятія изрѣдка отвлекаютъ отъ капризовъ измѣнчивой моды.

— Да, носятъ, — снисходительно отвѣтилъ Матвѣй Семенычъ.—Двѣнадцать рублей.

— Славные брелочки. Подарки?

— Это еще не всѣ. Часть дома. Всѣ на кольцѣ не помѣщаются. Часы на камняхъ, анкеръ, заводъ безъ ключа. Вообще, въ большомъ городѣ жизнь — хлопотливая вещь. Во-

ротнички „Монополь“ только на три дня хватаютъ, макиюръ, пикники разные.

Я чувствовалъ, что Матвѣй Семеновичъ тоже тянетъ, что ему тоже не по себѣ...

Но наконецъ, онъ рѣшился. Тряхнулъ головой такъ, что цилиндръ вспрыгнулъ на макушку—и началъ:

— Вотъ что, господа... Мы съ вами уже не маленькіе и вообще... дѣтство это одно, а когда молодые люди, такъ совсѣмъ другое. Другой, напримѣръ, добился до какого нибудь тамъ высшаго общества, до интеллигенціи, а другіе есть изъ низшихъ классовъ, и если бы вы, скажемъ, увидѣли въ одной каретѣ графа Кочубей рядомъ съ нашей Мироной, которая, помните, на углу маковники продавала, такъ вы бы первые смѣялись до безумія. Я, конечно, не Кочубей, но у меня есть извѣстное положеніе, ну, конечно и у васъ есть извѣстное положеніе но не такое, а что мы были маленькими вмѣстѣ, такъ это мало-ли что... Вы сами понимаете, что мы уже другъ другу не пара... и... тутъ, конечно, обижаться нечего—одинъ достигъ, другой не достигъ, но, впрочемъ, если хотите, мы будемъ изрѣдка встрѣчаться около желѣзнодорожной будки, когда я буду дѣлать прогулку—все равно, тамъ публики нѣтъ, и мы будемъ, какъ свои. Но, конечно, безъ особенной фамилярности — я этого не люблю. Я, конечно, вхожу въ ваше положеніе—вы меня любите, вамъ даже, можетъ быть, обидно и повѣрьте... я со своей стороны... если могу быть чѣмъ нибудь полезнымъ.

Въ этомъ мѣстѣ Матвѣй Семеновичъ взглянулъ на свои часы новаго золота и заторопился:

— О, ля-ля! Какъ я заболтался... Семья помѣщика Гузикова ждетъ меня на пикникъ, и если я запоздаю это будетъ нонсенсъ. Желая здравствовать! Желая здравствовать! Привѣтъ родителямъ!..

И онъ ушелъ, сверкающій и даже немного гнущійся подъ бременемъ респектабельности, усталый отъ повседнежнаго вихря свѣтской жизни.

* * *

Въ этотъ день мы съ Шашей, заброшенные, будничные, лежа на молодой травкѣ желѣзнодорожной насыпи, въ первый разъ пили водку и въ послѣдній разъ плакали.

Водку мы пьемъ и теперь, но уже больше не плачемъ. Это были послѣднія слезы дѣтства. Теперь—засуха.

И чего мы плакали? Что хоронили? Мотья былъ напыщенный дуракъ, жалкій третьестепенный писецъ въ конторѣ, одѣтый, какъ попугай, въ жакетъ съ чужого плеча; въ крохотномъ цилиндрѣ на макушкѣ, въ сиреневыхъ брюкахъ, обвѣшанный мѣдными брелоками — онъ теперь кажется мнѣ смѣхотворнымъ и ничтожнымъ, какъ червякъ безъ сердца и мозга—почему же мы такъ убивались, потерявъ Мотьку?..

А вѣдь—вспомнишь—какъ мы были одинаковы, какъ три желудя на дубовой вѣткѣ, когда сидѣли на одной скамейкѣ у Марьи Антоновны.

Увы! Желуди-то одинаковы, но когда выростутъ изъ нихъ молодые дубки—изъ одного дубка дѣлаютъ кафедру для ученаго, другой идетъ на рамку для портрета любимой дѣвушки, а изъ третьяго дубка смастерятъ такую висѣлицу, что любо-дорого...

Аркадій Аверченко.

Рис. Мисс.

КТО ЦАРЬ?

(Сказка Пасхальнаго дня).

Архангелъ Гавриилъ въ сверкающей одеждѣ!
Мой пламенный во гнѣвѣ Златоустъ!
Какъ я могла молиться прежде,
Когда мой храмъ былъ холоденъ и пустъ?
Гдѣ были Вы? Кто куталъ Ваши плечи
Въ чуть пахнуцій „Korrida“ горностай?
Вамъ было холодно, согрѣться было нечѣмъ
Въ горахъ, среди орлиныхъ стай.
Мой храмъ теперь наряденъ,—розовыя свѣчи

Горять у золотого алтаря,
А Ваши въ горностай закутанныя плечи —
Какъ въ облакахъ рожденная заря.

Вы сказали: „Никакого у васъ нѣтъ горностая,
„Это все—сказки весенняго дня“.
А развѣ кошка самая простая
Не становится нѣжнымъ горностаемъ,
Когда касается Васъ или меня?
Развѣ подъ вашими руками дерюга
Не становится голубымъ восточнымъ ковромъ?
А тотъ у кого такая какъ я подруга,—
Не становится развѣ—царемъ?

Лидія Лѣсная.

РАСКАЯВШИЙСЯ КОМИССАРЪ.

(Хастоящій пасхальный разсказъ)

...Согласно завѣтамъ Потапенки пасхальный разсказъ не должень, —въ отличіе отъ рождественскаго, имѣющаго своей цѣлью возбужденіе одной части населенія противъ другой путемъ изображенія замерзающихъ подростковъ рабочаго класса,—пасхальный разсказъ не должень заключать въ себѣ никакихъ страховъ, а даже, наоборотъ. Жирный окорокъ и коллекція разрисованныхъ яицъ настраиваютъ благодушно; пасхальное должно касаться предметовъ радостныхъ, мягкихъ и просвѣтляющихъ. Вотъ почему,—какъ сказалъ бы Боборыкинъ,—пасха въ тюрьмѣ самая хорошая, самая подходящая тема.

Свѣтлый праздникъ разбрасываетъ умиленные лучи всепрощенія и вноситъ въ тяжкій міръ тюремныхъ затворниковъ сѣмена любви и кротости. И такъ, займемся этими сѣменами.

* * *

Въ субботу начали красить яйца; комитетъ заключенныхъ послалъ въ продовольственную управу обстоятельную бумагу съ требованіемъ доставить определенное количество яицъ и соотвѣствующихъ къ нимъ приборовъ. Въ камерѣ № 32 вопросъ объ окраскѣ яицъ вызвалъ оживленную пренія. Элементъ контръ-революціонный; — два редактора, три журналиста, одинъ банкиръ, два учителя гимназій и неизвѣстный молодой человекъ, называвшій себя, „поэтомъ серебряныхъ вуалей“, заключенный по обвиненію въ перепродажѣ двухъ вагоновъ муки,—настаивали на скромномъ характерѣ празднества. Другая же часть заключенныхъ, —два бывшихъ комиссара, нѣсколько членовъ продовольственной организаціи, бывший петроградскій градоначальникъ Файерманъ, и его помощникъ Казанцевъ,—наоборотъ, стремились воспользоваться свѣтлымъ праздникомъ для полного душевнаго удовлетворенія.

СИЛА ПРИВЫЧКИ.

Рис. В. Лебедева.

Въ театрѣ у вѣшалки...

Она.—Да постоитъ, зачѣмъ вы у меня брилліанты снимаете?
Капельдинеръ.—Простите, это у насъ еще съ Марсова поля привычка, когда буржуевъ раздѣвали!.

Наступалъ вечеръ. Стража производила повѣрку; мальчишки разносили вечернія газеты. Файерманъ и Казанцевъ красили яйца.

— Слушайте, Файерманъ, почему вы все мажете красной краской, а синюю прячете?

— Казанцевъ, это инсинуація! Это обычный поклепъ бульварной вечерней прессы...

— Ти-ти-ти,—протяжно засвисталъ Казанцевъ,—намъ съ вами нечего говорить о поклепахъ. Сами съ усами.

Файерманъ тяжело вздохнулъ и обтеръ выпачканные въ краскѣ пальцы.

— Нѣтъ, что ни говорите, а жизнь несправедлива... Въ самомъ дѣлѣ,—почему мы съ вами должны красить яйца въ Крестахъ, а не у себя дома? Почему? — я васъ спрашиваю. Или мы съ вами изъ другого тѣста? Я спрашиваю васъ—мы изъ другого тѣста?

— Едва ли.

— Такъ почему же такая несправедливость? И вы и я посѣщали клубы. Ну, посѣщали. И вы и я отлично понимали, что если въ каждомъ домѣ есть деньги, то клубъ, это именно такой домъ, гдѣ деньги обязательно водятся. Вѣрно я говорю?

— Совершенно вѣрно.

— Ну хорошо. Мы съ вами знали, что въ клубѣ есть деньги, а разъ тамъ есть деньги, и разъ люди рискуютъ своими деньгами, такъ почему мы не можемъ рисковать? Вѣдь это несправедливо. Вѣдь это самая настоящая пакость судьбы. Мы съ вами пріѣзжали въ клубъ, мы рисковали не только состояніемъ, но и честью. Казанцевъ, знаете ли вы, что такое честь?

— Еще бы! Я бывший офицеръ...

— Положимъ не офицеръ, а приставъ, но все таки вы понимаете, что такое честь. Мы рисковали честью! А вы думаете легко было каждый день рисковать честью, когда любой банкометъ имѣлъ въ карманѣ два браунинга?

— Да,—задумчиво протянулъ Казанцевъ.

— Вы согласны со мной? Рискъ—благородное дѣло. И главное, почему вы и я должны сидѣть въ тюрьмѣ, а другіе не сидятъ въ тюрьмѣ? Какое же это равенство? Слушайте, Казанцевъ, какое это равенство? Если всѣ люди равны, такъ значитъ всѣ должны сидѣть въ тюрьмѣ; а если не всѣ сидятъ въ тюрьмѣ, такъ вѣдь это уже аннексія и контрибуція, это уже империализмъ, это уже старый режимъ...

— Это буржуазія! — подхватилъ Казанцевъ,— это проклятый царизмъ! Соглашательство!

— Измѣна трудящимся! Корниловщина!

— Дуговщина!

— Калединщина!

Оба тяжело вздохнули.

Звонили колокола.

Файерманъ и Казанцевъ поцѣловались. Колокола гудѣли, наполняя камеры мощнымъ гуломъ, разливая всепрощеніе, любовь и радость. И какъ это всегда бываетъ въ пасхальныхъ разсказахъ, когда самые закоренѣлые преступники раскаиваются подъ вліяніемъ колокольнаго звона, и на сей разъ свершилось чудо, и жестокое сердце узника смягчилось, расплавилось подъ мягкими лучами торжественнаго праздника.

— Казанцевъ, Казанцевъ,—умиленнымъ голосомъ прошепталъ Файерманъ,— какъ я жалѣю о прошломъ! Я хотѣлъ слишкомъ многого. Если бы я далъ десять процентовъ въ сосѣдній комиссаріатъ, все было бы хорошо!..

Сердце преступника смягчилось; искреннія угодная, небу слезы полились изъ файермановскихъ глазъ.

* * *

... Говорятъ, что въ этотъ день небо было обрадовано. Большая толстая книга, называющаяся „входящій журналъ раскаившихся грѣшниковъ“ была раскрыта, и въ длинный пасхальный списокъ была внесена новая графа: „1918. Пасха. Файерманъ. Комиссаръ. Лихоимство, шантажъ и пр. Раскаялся въ пасх. ночь. Раскаяніе полное. Сожалѣетъ, что не далъ 10% въ сосѣдній комиссаріатъ. Подпись неразборчива.“

Колокола гудѣли.

Вор. Мирскій.

ВЕСЕННЯЯ ИДИЛЛИЯ.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО СЛУЧАЮ ПАСХИ.

I.

КРАСНОЕ ЯИЧКО.

Я видѣлъ цвѣтъ крови своими глазами
 Весною, пришедшей на смѣну сугроба
 И въ прошломъ апрѣлѣ, какъ странникъ во храмѣ,
 Въ странѣ очутился воскресшей изъ гроба.
 Въ семнадцатый годъ отъ рожденія вѣка,
 Спиной повернувшись къ безбожнымъ привычкамъ
 Пришелъ я къ заутренѣ, свѣтлый калѣка,
 Впервые склониться предъ краснымъ яичкомъ.
 Что дальше—ты знаешь, ты помнишь читатель,
 Какъ мы нацѣпили Фригійскую шапку,
 Давъ шпоры исторіи, кстати, не кстати ль
 Россію съ собой прихвативши въ охапку.
 Отъ красныхъ яицъ по дорогамъ—скорлупки,
 Легко-ль подобрать ихъ безкровному сердцу...

Какъ можемъ теперь, отъ тайги до Алупки,
 Стучаться на Пасху въ Христовую дверцу?..

II.

ПАСХАЛЬНЫЙ СТОЛЬ.

Забудь, забудь пасхальный столъ,
 Наряженный съ любовью въ гіацинты,
 Гдѣ поросенка зналъ и не страшился винъ ты,
 Гдѣ нѣжный окорокъ съ тобой бесѣду велъ—
 Ступай взгляни на новое убранство,
 На скорбный видъ російскаго стола...
 Хозяйки—нѣтъ, должно быть умерла,
 Перебѣнивъ сумбуръ на смерти поостоянство.
 Ступай, взгляни со стойкостью въ лицѣ
 На блюдо красное, гдѣ видѣлъ тощій хвостъ,
 Свѣжо обглоданный, какъ будто длится постъ,
 И Богъ еще—въ гробу, въ терновомъ спитъ вѣнцѣ...

Александръ Флитъ.

З В О Н А Р И.

Сначала еще ничего, а ужъ къ концу святой все Вахромовское семейство окончательно гложло. Ходили—мotalись словно пьяные, шурились, жмурились и все другъ у дружки спрашивали:

— Ась?

Все имъ казалось что кто то что то говорить, да только они не слышуть.

А колокола все гудѣли да гудѣли съ десяти утра до самой вечерни. И гуломъ и въ перетряску, и перезвономъ и малиновымъ боемъ—съ двухъ колоколенъ сразу.

И въ отвѣтъ имъ дребезжали всѣ чисто вымытые двадцать четыре окна Вахромовскаго дома, выходящiе прямо на обѣ колокольни.

Лились густыя тяжелыя волны большихъ колоколовъ медленно и плавно качали воздухъ, отольетъ одна—наплыветъ другая. А рядомъ въ перетруску въ перебивку дразня и играя бѣжала зыбь-рябь малыхъ колоколовъ.

— Уфъ!—стонать Вахромовъ,—этакъ они мнѣ всю душу раскачаютъ! По грѣхамъ отцовъ терплю.

И вѣрно, что терпѣлъ онъ по грѣхамъ отцовъ, за гордыню ихъ несмиримую.

А выразилась эта гордыня въ томъ, что кодаа мѣстный богатый купецъ Рядкинъ, облюбовавъ себѣ на горѣ мѣстечко сталъ строить церковь, второй богатѣй покойный купецъ Вахромовъ ни зачто не захотѣлъ ему уступить и сталъ строить свою церковь на томъ же самомъ мѣстѣ.

Вахромовъ урезонивали—будто ужъ другого мѣста въ цѣломъ городѣ не найти—низачто.

— Что-жъ, говорить, Рядкинская церковь на горѣ будетъ красоваться чтобъ ее за десять верстъ видно было, а моя гдѣ нибудь въ закутѣ на притычкѣ? Что-жъ мои деньги хуже Рядкинскихъ? Ади ихъ у меня меньше?..

И никакихъ! Уперъ свою колокольню прямо въ рядкинскую и ждетъ пока тотъ крышу подводить начнетъ чтобъ ему хоть на одинъ кирпичъ да повыше вывести.

Рядкинъ тоже былъ человѣкъ съ амбиціей. Ни мѣстомъ, ни высотой поступиться не захотѣлъ. Вахромовъ кирпичъ—онъ два. Такъ и не могли колоколенъ достроить—все другъ по дружкѣ прикидывали.

Наконецъ умеръ Вахромовъ. Рядкинъ испугался да поскорѣе достроилъ. Вахромовскiе наслѣдники ужъ и кирпичей считать не стали. Тоже наскоро закончили, колокола навѣсили и душу успокоили.

Свои то, городскiе, скоро привыкли а вотъ прїѣзжіе всегда очень удивлялись—какъ это такъ двѣ церкви другъ на друга пруть, а кругомъ пусто и мѣста—слава тебѣ господи—сколькo угодно.

Но имъ то что, поудивлялись, выпучили глаза, да и уѣхали. А вотъ каково Вахромовымъ! „Вахромовъ сыновья“ наслѣдники жили въ большомъ домѣ, построенномъ старикомъ у самой церкви „чтобъ денно и ночью зоркiй глазъ имѣть, какъ бы Рядкинъ—зело не напрокудесилъ“.

Вообще ничего и домъ хорошъ былъ... мѣсто хорошее—видное. Одна бѣда—благовѣсть. Какъ пойдуть изъ двухъ колоколенъ гудѣтъ такъ хоть заткни уши, бѣги вонъ. Особенно на Святой. Звонари-любители были въ городкѣ какъ на подборъ. Любили благовѣсть до жестокости и

ужъ какъ дорвутся до колокольни такъ такъ другъ дружку и сторожатъ. Одинъ дудить—двое внизу ждуть. Одинъ слѣзаетъ, другой ползетъ, третiй подымается.

Старуха Вахромовъ уши розовой ватой затыкала. И ничто не беретъ.

— Словъ человѣчкихъ не слышу, сама себя, что говорю не слышу—одни колокола въ головѣ гудятъ еще хуже.

Просила старуха мужа: пусть заплатитъ звонильщикамъ, чтобъ хоть пообѣдать спокойно дали.

Звонильщики взяли по полтинѣ а и десяти минутъ вздохнуть не дали—затрезвонили.

Позвали ихъ, устыдили. А имъ хоть бы что.

— Это, говорятъ, не наши звонили а посторонніе любители. Мало-ли ихъ въ городѣ. На Святой никому не запретишь Бога порадовать.

Дали еще по полтинѣ. Берутъ, не отказываются, а толку никакого. Минуть пять-шесть для совѣсти подождутъ а тамъ опять да какъ на зло еще пуще задудятъ.

На третiй день праздника прїѣхалъ къ Вахромовымъ дяденька Енычевъ.

Онъ собственно говоря никому не былъ дяденькой, да Вахромовскiе дѣти такъ прозвали его когда были маленькими, такъ онъ и остался.

Дяденька Енычевъ заглядывалъ въ эти мѣста рѣдко и былъ гостемъ желаннымъ... жилъ онъ въ сосѣднемъ уѣздѣ и славился какъ большой умникъ, кулакъ и выжига, которому пальца въ ротъ не клади.

Наружность у него была самая самая лукавая. Носъ длинный и толстый, глазки маленькіе, востренькіе и все чему-то смѣялись. Волосы масляныя прядистыя, усы шевелились какъ у таракана даже когда дяденька Енычевъ молчалъ и казалось, будто онъ усами думаетъ.

Прїѣхалъ онъ вечеромъ, когда уже обѣ колокольни затихли и старуха Вахромовъ раскупоривъ уши отпаивала мужа чаемъ съ куличами.

Обрадовались, похристосовались.

Дяденька Енычевъ хотѣлъ было заговорить о дѣлахъ, да старикъ Вахромовъ только рукой махнулъ.

— Не могу. Все равно ничего не пойму. Не въ себѣ я. Объяснили про благовѣсть. Дяденька Енычевъ удивился.

— Ишь ты какое дѣло. Неужто ничего и придумать нельзя?

Разказали Вахромовы про полтинники и про всю свою бѣду.

— Сидимъ какъ дураки, а они за наши же деньги надъ нами же измываются.

Дяденька Енычевъ послушалъ, усами подумалъ, глазами засмѣялся и говорить:

— Не съ того конца вы за дѣло принимаетесь. Платить имъ надо вотъ что.

— Платить-ить? удивились Вахромовы. Да, вѣдь мы же имъ платимъ!

— То и оно. Платите да не за то, за что нужно. Вы имъ платите чтобъ не звонили, а имъ нужно платить чтобъ звонили, вотъ и перестанутъ.

Переглянулись супруги—плететъ молъ нивѣсть что. И задаромъ то удержу имъ нѣту а тутъ еще чего-то плати.

— Вы дяденька съ дороги-то уставши. Вамъ бы прилечь пойти. Ась?

Дяденька только подмигнулъ—знаю, молъ, что вы думаете.

— Завтра, говоритъ, утромъ пораньше звонарей то этихъ ко мнѣ пришлите.

Долго вечеромъ перешептывались супруги Вахромовы на счетъ дядюшки Енычева. Утромъ тѣмъ не менѣ послали прикащика къ концу обѣдни звонарей постеречь и въжливенько пригласить для разговору.

Звонари пришли всѣ пятеро: два сапожника, точильщикъ, лудильщикъ и мѣщанинъ Ерохинъ.

Дяденька Енычевъ вышелъ, поздоровался со всѣми за руку и сказалъ прочувствованно:

— Ну спасибо вамъ, господи. Ужъ такъ разуважили, что и сказать нельзя. Нигдѣ этакаго звону опрочъ вашего не слыхалъ. Въ нашемъ городѣ и отродясь ничего такого не водилось. Такъ потрезвониваютъ ровно тараканъ на цимбалѣ да и все тутъ. А ужъ вы дѣйствительно разуважили. Какъ услышалъ вчера такъ сейчасъ и прицѣпился— „Кто, молъ, да гдѣ, молъ, учились“. Любители говорятъ. Да я нарочно всю недѣлю здѣсь просижу, васъ слушать буду. Только вы скажите—какъ необходимо вамъ будетъ: ежели по двугривенному въ часъ на человѣка? А?

Звонари сначала было и не поняли въ чемъ дѣло. Да мѣщанинъ Ерохинъ былъ парень оборотистый сразу смекнулъ:

— Оно, говоритъ, конечно маловато, ну да ужъ вы не обидите. По четвертаку положите.

Дяденька сталъ торговаться. Звонари уперлись, ушли вернулись, чесали въ затылкахъ, кричали, опять ушли и наконецъ вернувшись сказали что согласны, но только чтобъ деньги за день впередъ.

— Отъ десяти до шести часовъ по двугривенному за часъ пять человѣкъ итого восемь рублей. Вотъ, какъ хошь.

— Эка вы какие! Вѣдь не сразу же вы всѣ звоните.

— Ну не сразу, а колокольни то двѣ, по двое стало быть. Ну, давай три рубля двадцать.

А дяденька торгуется.

— Половину впередъ, довольно. Да и не все время вы работаете, небось хоть чайку попить захочется.

Торговались долго, однако дяденька уступилъ.

Звонари ушли и видно было изъ окошекъ, какъ они долго стояли у колокольни, чесали въ затылкахъ и спорили. Часа черезъ два лудильщикъ полѣзъ наверхъ кое какъ потреникалъ минутъ десять и опять слѣзъ. Опять начали спорить. Подошелъ было какой-то посторонній любитель, хотѣлъ подняться позвонить, но звонари такъ его турнули, что онъ даже у нихъ прощенья попросилъ.

Въ этотъ день больше звону не было—звонари ушли въ трактиръ и толковали о своемъ дѣлѣ вплоть до закрытія.

Утромъ пришла къ дяденькѣ депутація: оба сапожника и мѣщанинъ Ерохинъ.

— Что скажете, братцы? Недоволенъ я вами. Деньги взяли а почитай и не звонили совсѣмъ.

Мѣщанинъ Ерохинъ раздулъ ноздри и, прищуривъ глаза, сказалъ вѣско:

— Это вы господинъ купецъ ищите себѣ другихъ дураковъ чтобъ за двугривенный вашу душу тѣшили. А мы вамъ не каторжники.

— Слушайте, ребята,—урезонивалъ дяденька.—Это же не по уговору.

— По рублю на брата и ни копѣйки меньше.

— По рублю-у? Да вы никакъ спятили! Да я себѣ за эти деньги лейбъ-медика найму.

Мѣщанинъ Ерохинъ еще пуще раздулъ ноздри.

— Нѣтъ съ, господинъ хороший никого вы окромя насъ не наймете. А ежели такой отчаянный найдется, такъ мы его съ колокольни внизъ головой спустимъ. Небось не полѣзутъ.

Дяденька волновался, топалъ ногами, кричалъ, что непременно найдетъ звонаря, который не то что за двугривенный, а за гривенникъ такъ отзвонитъ, что весь городъ оглохнетъ.

— Депутація не уступила и удалилась мрачно пригрозивъ:

— Пусть попробуетъ, сунется, мы ему покажемъ.

Уши.

Весь день темныя зловныя фигуры бродили вокругъ обѣихъ колоколенъ и туряли не только изъясвившихъ намѣреніе потрезвонить, но и простыхъ любопытствующихъ.

Также прошелъ и второй день.

Вахромовы и смѣялись, и удивлялись и радовались.

— Что? спрашивалъ дяденька Енычевъ. Стерегутъ васъ мои гидры?

— Стерегутъ, родной, стерегутъ! Ужъ такъ стерегутъ, что курица родныхъ цыплятушекъ.

— А и не дорого людешекъ то нанялъ. Всего за три двадцать.

На Ѳоминѣ дяденька уѣхалъ. Уѣзжая приказалъ звонарямъ кланяться и велѣть чтобъ цѣну твердо держали.

— А не то на будущій годъ своихъ со своего города привезу. Больно у васъ народъ дешевый, а я дешево покупать не люблю. Дешевый товаръ не носкій, а броскій...

Посмѣялся глазами, пошевелилъ усами.

Съ тѣмъ и уѣхалъ.

Тэффи.

Л А С К О В О Е.

Тусклый свѣтъ забрезжитъ очень скоро,
Но пока—здѣсь ласковый уютъ.

Темныя, малиновыя шторы
Полумракъ спокойно берегутъ.

Я усталъ отъ ежедневной гонки,
Но сегодня бросилъ всѣ дѣла,
Отъ того, что—пальцы ваши тонки,
Отъ того, что—кожа такъ бѣла.

Наши встрѣчи рѣдки и пугливы,
Точно тѣни около костра.

Мнѣ пріятно—странно:—какъ могли вы
Стать такъ быстро нѣжной, какъ сестра.

Пусть спокойный медленный разсудокъ
На порывы наложилъ печать:
Кажется—какъ запахъ незабудокъ
Голосъ вашъ умѣю я вдыхать.

Я уйду. Я знаю: вы устало
Улыбнетесь ласково мнѣ вслѣдъ.
Злая страсть съ насмѣшкой спроситъ: Мало?
Благодарно сердце скажетъ: Нѣтъ.

А на завтра—въ суетливомъ гамѣ
Вдругъ охватитъ теплая тоска,
Отъ того, что вашими духами
Будетъ нѣжно пахнуть отъ платка...

Арв. Буховъ.

ВЕСЕННІЙ НОКТЮРНЪ

Рис. В. Лебедева.

Играющая:—Что это за шумъ на улицѣ?

Стоящій у окна:—Противъ насъ сейчасъ разстрѣляли двухъ прохожихъ.

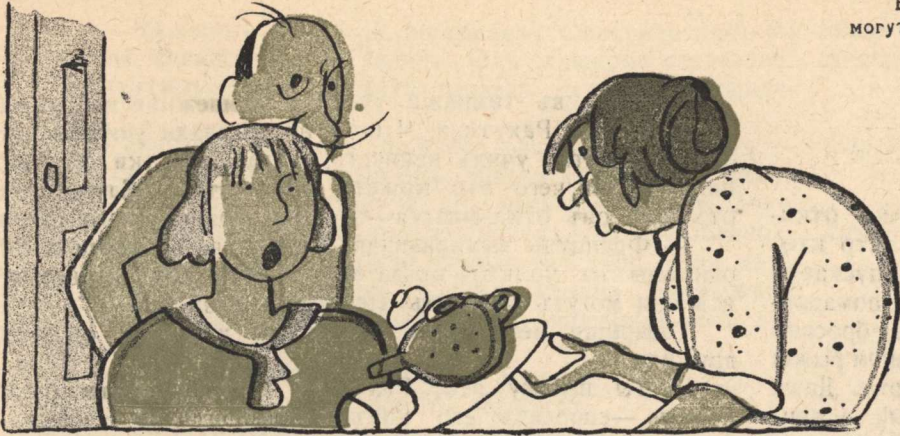
— А-а... А я думала—что-нибудь случилось!

КАКЪ ИЗБАВИТЬСЯ ОТЪ ДОМАШНЕЙ ПРИСЛУГИ.

Рис. К. Груса.

(Опытъ иллюстрированнаго руководства).

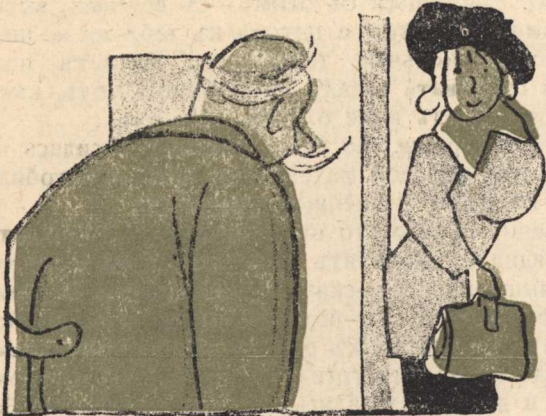
Благодаря послѣднимъ декретамъ о прислугѣ — хозяйя почти не могутъ отъ нея избавиться, пока она сама не уйдетъ. (Изъ газетъ).

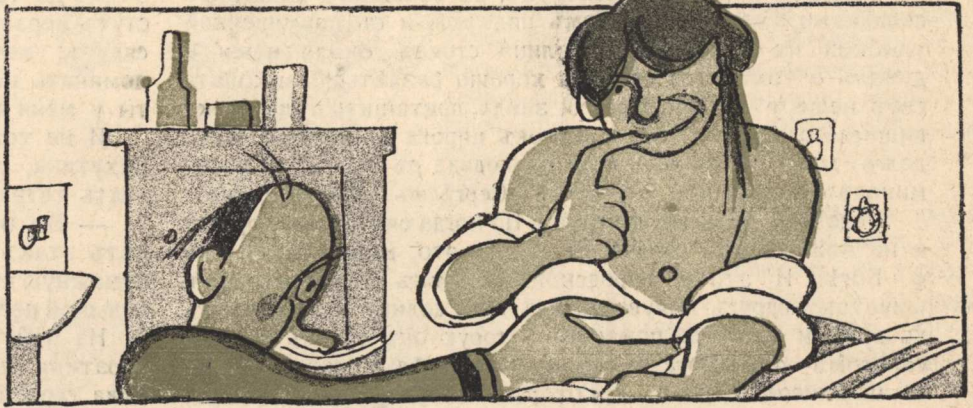
1) ...Сегодня наша прислуга Аксинья снова разбила подлужины стакановъ и накричала на жену...

2) Сидимъ съ женой, думаемъ, какъ бы избавиться отъ Аксиньи...
— Давай разведемся, — предложила жена...

3) Въ комиссариатѣ насъ развели въ пять минутъ. Разстались.

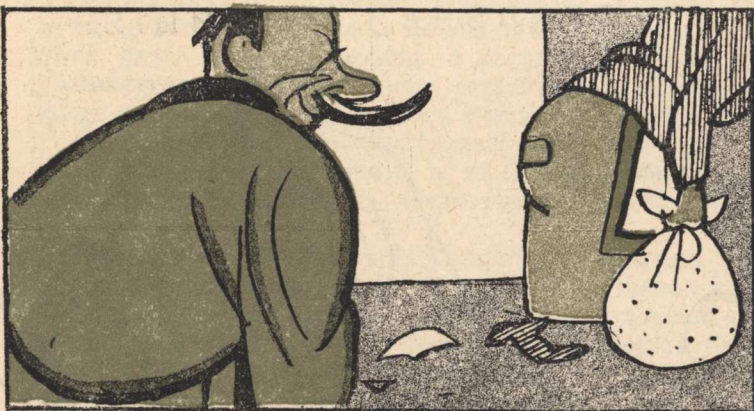
4) Я вернулся домой и, объяснившись Аксиньѣ въ любви, сдѣлалъ предложение руки и сердца...
Согласилась... !

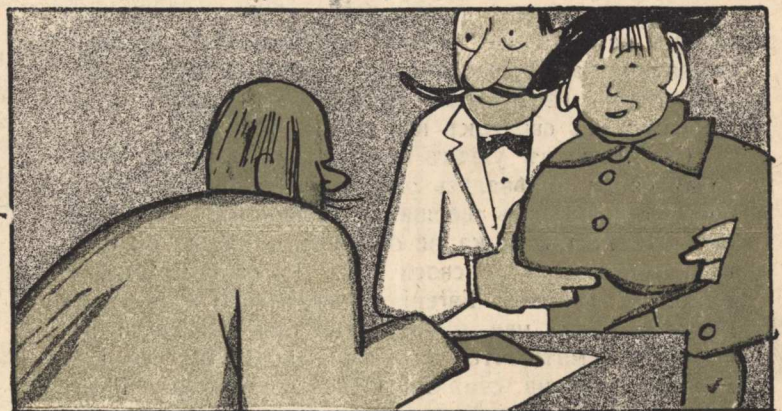
5) Въ комиссариатѣ насъ поженили въ 3 минуты.
— Вотъ я и ваша жена, — сантиментально сказала Аксинья.

6) Но когда мы пришли домой я сказалъ ей:
— Пошла отъ меня, дрянная такая! Какъ прислугу я тебя не могъ выгнать, а какъ жену — сколько угодно! Сегодня же разводи!

7) Ура! Развелся съ Аксиньей въ 3 минутки.
Ушла старая жаба.

8) Снова я съ бывшей женой въ комиссариатѣ.
— Пожените насъ снова.
— Да сколько угодно.
Въ 2 минуты бракъ былъ совершенъ...

9) И вотъ снова мы съ женой вдвоемъ, счастливые, безъ Аксиньи.
Вы видите, какъ все просто?

С Н А Ч А Л А.

Разсказъ Акадія Бухова.

Даже листья на деревьяхъ были теплые. Рѣчка откидывала обратно солнце и со стороны думалось, что кто-то большимъ зеркаломъ кинутымъ на зеленое, пускаетъ громаднаго солнечнаго зайца въ молочно-синее, не помаранное даже облачными пятнами, небо. Два суслика, бросивъ свистать, вылѣзли изъ сосѣднихъ норъ и подставили рыжія шкурки подъ горячія струи тепла, падающія сверху. Даже они понимали, что въ такой безконечно-ласковый и привѣтливый день ихъ никто не захочетъ тронуть и воспользоваться тѣмъ, что они маленькіе и ихъ легко пришибить камнемъ.

Тяжелый городской человѣкъ, съ большимъ животомъ складками, въ коричневомъ пиджакѣ, и съ примиренной улыбкой на веснушчатомъ лицѣ стоялъ около межи и думалъ о томъ, что сейчасъ хорошо раздѣться, выкопать себѣ пещеру въ прохладной землѣ, притащить туда банку вишневаго варенья, воды, кусокъ пирога и начать жить долго, долго чтобы никто не приходилъ съ дачи и не напоминалъ о томъ, что его зовутъ Сергѣемъ Семеновичемъ.

Человѣкъ безконечно глупъ. Но когда ему очень хорошо и не можетъ онъ объяснить почему это, вспоминаетъ онъ о Богѣ. И этотъ городской человѣкъ съ отвислымъ животомъ вдругъ почувствовалъ и въ солнцѣ и въ тепломъ воздухѣ и въ бѣлой ромашкѣ, которую онъ давилъ рябымъ сапогомъ—того Бога, которому онъ изрѣдка ставилъ свѣчи въ шумливой церкви и котораго злобно ругалъ, когда другіе, обойдя его, получали прибавки къ жалованью. И въ первый разъ въ жизни онъ подумалъ о томъ, какъ хорошо сейчасъ встать на нагрѣтую траву, положить около себя помятый котелокъ и попросить у Бога что-то такое большое и важное, что не просится послѣ обѣда или передъ картами.

Но вмѣсто молитвы, изъ глубины души заиграла и сейчасъ-же съехала тоненькая, безнадежная мысль:

— Эхъ, кабы начать жизнь по новому... Кабы все предугадать... Все знать заранѣе. И въ июльскій день 1898 года, въ Самарской губерніи, на полѣ около деревни Новозыбовки, случилось чудо. Внезапно вспыхнувшей среди ослѣпительнаго воздуха и тепла, прозвучалъ голосъ, напоминавшій по тембру сочную октаву архіерейскаго баса:

— Начинай сначала.

Сергѣй Семеновичъ въ ужасѣ оглянулся назадъ, схватился за голову и быстро побѣжалъ по направленію къ дачѣ. Но когда только онъ перепрыгнулъ черезъ какую-то канавку, гдѣ жирно чмокнула желтая лягушка, онъ почувствовалъ, что съ нимъ произошло что то такое неожиданное, чему отказывался вѣрить разсудокъ: живота не было, на головѣ еле держалась помятая гимназическая фураженка, на худыхъ ногахъ трепались сѣрыя изодранныя брюки, а въ грязной рукѣ былъ зажатъ свистокъ изъ ольховой вѣтки.

Свистѣлъ въ ушахъ воздухъ отъ быстрого бѣга, голая пятка порѣзалась объ осколокъ битаго стекла, сбоку прищипилась шершавая деревенская собака, а онъ все бѣжалъ, пока не остановился около колодца съ коромысломъ у своей дачи. На балконѣ сидѣла покойная мамаша Евгенія Анисимовна и чистила ягоды, а около нея приподнятый газетный листъ заставлялъ думать, что за нимъ скрывается большая плотная лысина старика Семена Семеновича Рахутина, похороненнаго въ Рязани двадцать четыре года тому назадъ.

Сергѣй Семеновичъ хотѣлъ закричать отъ ужаса, броситься въ домъ, но вмѣсто этого неожиданно для себя крикнулъ звонкимъ задорнымъ голосомъ одиннадцатилѣтняго мальчишки:

— Мам... а мам... Дай ватрушечку...

Потомъ схватилъ за ухо проходившаго мимо теленка и сдѣлалъ попытку сѣсть на него верхомъ.

Такъ вторично вошелъ въ жизнь человѣкъ съ одиннадцатилѣтнимъ тѣломъ, но съ разумомъ и опытомъ сорокатрехлѣтняго мужчины. Такъ въ первый разъ на землѣ, озаряемой солнцемъ, началась сначала бѣдная человѣческая жизнь.

II.

Не было въ гимназіи ученика прилежнѣе второклассника Сергѣя Рахутина. Чго-бы ни задавали учителя, онъ все безропотно училъ наизусть, дѣлая помѣтки на учебникахъ—для чего это можетъ пригодиться. Единственно отъ чего онъ отказывался—это отъ французскаго языка.

— Французы вымирающая нація, — твердо заявилъ онъ однажды на урокъ, — когда мнѣ будетъ лѣтъ пятьдесятъ всѣ они могутъ вымереть. Не стоитъ возиться.

Товарищи не любили его и онъ избѣгалъ съ ними дружить.

— Ты почему это, Рахутинъ Сергѣй, всегда одинъ ходишь, — спросилъ его какъ-то классный наставникъ, — развѣ у тебя нѣтъ пріятелей?

— Заводить неохота, — огрызнулся Рахутинъ.

— Почему это?

— Да такъ... Свяжешься съ однимъ—съ другимъ, выростутъ мерзавцами сдѣлаются, а потомъ къ тебѣ же на шею сядутъ: мы молъ школьные товарищи... Начнутъ припоминать какъ списывать давали. А помнишь молъ, какъ ты у меня пятакъ взялъ и не отдалъ... Ну ихъ...

И не только товарищи, но даже учителя косились на Рахутина, особенно молодой математикъ, который любилъ рвать тетради съ плохо рѣшенными задачами.

— Вы особенно бумагой то не швыряйтесь... Пройдетъ лѣтъ этакъ двадцать, захватятъ иностранцы нашу писчебумажную промышленность, — сказалъ ему однажды во время большой перемѣны Рахутинъ, — потомъ сами каяться будете...

На одну изъ его классныхъ работъ по русскому языку обратилъ вниманіе весь педагогическій совѣтъ, до того она была серьезна и даже раздавался голоса за исключеніе Рахутина изъ гимназіи за отсутствіе дѣтскаго воображенія.

Тема была чрезвычайно проста: о вліяніи природы на человѣка, но Рахутинъ подошелъ къ ней чрезвычайно односторонне.

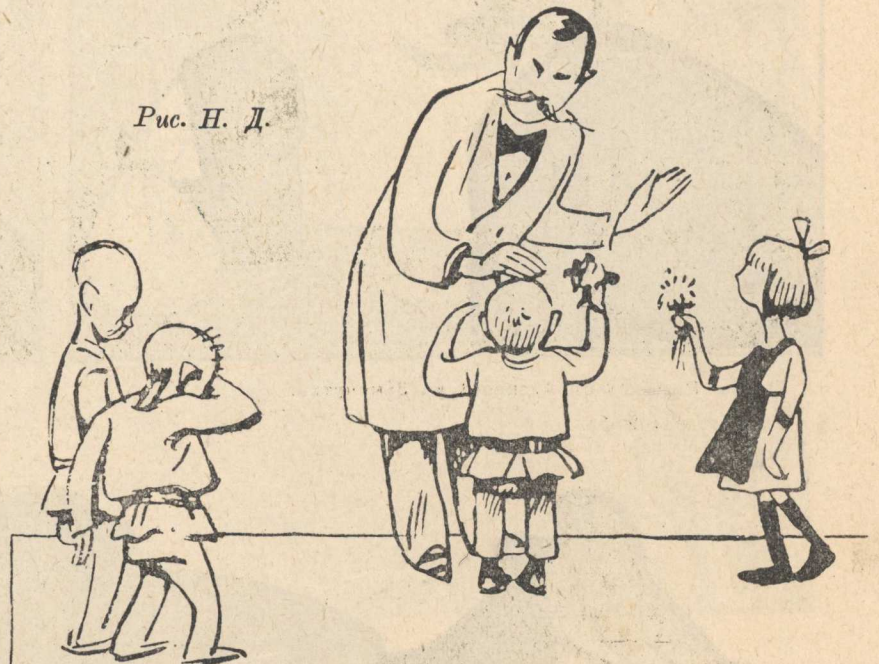
Сочиненіе его начиналось такъ:

— Особенно вліяетъ на человѣка сырость. Отъ нее можно получить ревматизмъ, какъ суставной, такъ и простой. Первый изъ нихъ, не освобождаетъ отъ воинской повинности и не давая права на пенсію, чрезвычайно осложняетъ жизнь какъ у служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, такъ и у престарѣлыхъ вдовъ. Не менѣе вліяетъ на человѣка оттепель, особенно въ средней полосѣ Россіи, гдѣ ее сопровождаютъ ангина, инфлюэнца и кишечныя недомоганія у паралитиковъ. Опытъ насъ учитъ, что во время оттепели слѣдуетъ плотнѣе завязывать шею и...

Послѣ этого директоръ вызвалъ старика Рахутина въ канцелярію и сказалъ ему, чтобы онъ обратилъ вниманіе на сына.

ПАСХАЛЬНАЯ ТРАДИЦІЯ.

Рис. Н. Д.

— А вы что же, дѣтки, въ этомъ году яйца красили?

— Нѣтъ, мы покрасили только продовольственную карточку на яйца.

— Мальчикъ уменъ не по годамъ. Смотрите какъ-бы онъ не женился, или не запилъ. Онъ слишкомъ серьезенъ.

Рахутинъ-отецъ виновато развелъ руками и кашлянулъ.

— Бабушка къ намъ прѣхала,—робко началъ онъ,—моей супруги мамаша, такъ онъ, знаете и ей такихъ замѣчаній надѣлалъ, что старуха его часа два черезъ очки разсматривала, а потомъ плакать начала—до чего обидно...

Дома дѣйствительно было тяжело отъ него. Если мать переплачивала за курицу, Сергѣй мрачно покачивалъ головой и перебирая старые гвозди, собранные имъ для продажи, строго тянулъ:

— Это вы напрасно, мамаша. Курица не генералъ, передъ ней робѣть не приходится. Стоитъ полтинникъ—полтинникъ и давайте. А то тутъ гривенникъ переплатите, тамъ гривенникъ—папаша-то изъ-за этихъ гривенниковъ себѣ въ департаментъ спину гнетъ.

А когда однажды Рахутинъ - отецъ, согрѣшивъ гдѣ-то у сослуживцевъ картишками и запотѣлымъ графинчикомъ, пришелъ подъ утро домой и удачно прошмыгнулъ мимо спящей жены, на другое утро въ комнату вошелъ Сергѣй и, засунувъ руки въ карманы, строго спросилъ:

— Въ картишки поигрывать начали, папаша?

— Побаловался, Сереженька...

— Такъ, такъ, папаша. Водочку потягивать начали? Можетъ еще нѣмочку пухленькую заведете? Поженились, сына растите, а сами такими дѣлами заниматься начали?

— Не буду я, Сереженька...

— Всѣ вы такъ. Нашкодите сначала, а потомъ: не буду, не буду...

И хотя на другой день Евгенія Анисимовна старалась утѣшить мужа и наливала ему въ кофе больше сливокъ, чѣмъ всегда, Сергѣй сидѣлъ въ углу и бубнилъ:

— Мамаша-то у насъ добрая... Не понимаетъ многого... А вамъ и не стыдно... Другой бы два дня изъ своей комнаты не вышелъ... Впрочемъ я это еще припомню...

А отецъ съ матерью виновато здыхали, опустивъ глаза.

III.

А всего тяжелѣе было самому Сергѣю Рахутину. Часто купивъ копеекъ на сорокъ разныхъ сладостей спѣшно приносилъ онъ ихъ домой, усаживался за сундукомъ и вмѣсто того, чтобы наскоро сжевать все это, причмокивая отъ удовольствія и полузакрывъ отъ радости одинъ глазъ, какъ это дѣлали его сверстники по гимназiи, онъ вдругъ начиналъ обнюхивать лакомство и уныло думать:

— Маковки... Наложили туда гнилой картофельной муки, наболтали патоки... Поѣшь-поѣшь такую прелесть лѣтъ пять, а тамъ глядишь и катарръ желудка... Для университета-то желудокъ надо оставить крѣпкимъ, чтобы кости переваривалъ... И пастила скверная—масло тухлое...

И черезъ десять минутъ сладости продавались за полцѣны сосѣднему лавочнику, а въ клеенчатой записной книжкѣ Сергѣя появлялась новая строка: убытку 20 коп. отъ легкомыслія.

Иногда въ комнату вбѣгалъ старый сень-бернаръ Топка и, подмывая на возню, тыкалъ Сергѣя мокрой теплой мордой въ щеки и спину. Молодой организмъ подталкивалъ къ веселой вознѣ на коврѣ въ гостиной, но Сергѣй быстро овладѣвалъ собой и отталкивалъ собаку,

— Пошла, пошла... Схватишь еще отъ тебя заразу какую, а потомъ возись цѣлую жизнь... Мало-ли гдѣ шляешься... Только не помой послѣ тебя руки...

Единственную игру, какую онъ признавалъ это была игра въ отцовскія толстыя счетоводныя книги, которыя тотъ приносилъ съ собой со службы для составленія отчетовъ.

Сережа носилъ ихъ изъ комнаты въ комнату, а когда всѣ засыпали, онъ перечитывалъ въ нихъ столбцы цифръ и на другой день, уходя въ гимназiю, говорилъ отцу:

— Я вчера съ твоими книгами игралъ... Все просмотрѣлъ... Жулики, я тебѣ скажу, у васъ тамъ служатъ... Всѣ цифры подтасованы... Любой ревизоръ сразу унюхаетъ...

Питался Сергѣй хорошо, потому что зналъ по опыту, что въ дѣтствѣ надо набирать здоровья, много гулялъ, но

былъ блѣдный и такой смуглый, что однажды отецъ не выдержалъ и даже полусерьезно спросилъ:

— Ты что, Сергѣй... Ужъ не влюбленъ-ли?

— Въ двѣнадцать-то лѣтъ?—возмущенно отозвался Сергѣй—хорошія у тебя понятія о дѣтяхъ...

И какъ бы успокаивая замѣтилъ:

— Погоди еще... Буду восемнадцатилѣтнимъ балбесомъ—займусь и этимъ... Еще наплачешься...

IV.

Наплакаться не пришлось. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда худому, уже облѣзлomu Сергѣю минуло девятнадцать, въ одинъ изъ весеннихъ дней, онъ почувствовалъ, что если напудренная, со вздернутымъ носикомъ Мурочка сегодня поидеть въ гости къ Ермашевымъ, онъ тоже непременно потащится туда.

— Природа,—сухо пожалъ онъ плечами.—Ничего не попишешь. Девятнадцать лѣтъ. Всѣ въ эти годы... Женатому человеку, особенно если за четвертый десятокъ—легче... Ему и на весну плевать и на Мурочекъ этихъ... Сидитъ себѣ дома, занимается дѣломъ, а тутъ вотъ бѣгай, влюбляйся, строй дурака...

По улицамъ шли другіе молодые люди. У нихъ былъ восторженный видъ, они наступали на ноги, толклись на углахъ, влѣзали не въ тотъ трамвай и въ каждый домъ изъ нихъ, какъ синенькая лампадка теплилось счастье влюбленности. А Рахутинъ шелъ мелкими шагами и думалъ, что если-бы на него сейчасъ нахалъ рысакъ было-бы лучше...

— Можетъ рукой-бы отдѣлался... Рука она ничего—поболитъ и перестанетъ, особенно если безъ перелома. А тутъ хуже—пойдутъ встрѣчи, дѣла запустятся, деньги уйдутъ, а если случай не вывезетъ—надо бѣгать искать квартиру, брать прислугу и искать новой работы.

Онъ останавливался около кондитерскихъ и соображалъ:

— Малая коробка—полтора рубля, большая четыре... А что толку то? Хоть-бы сама она съѣла... А то братцы да гости весь шоколадъ выжрутъ, да еще смѣяться будутъ—еще дескать этотъ дуракъ принесетъ...

Переходилъ къ цвѣточнымъ магазинамъ и около нихъ тоже думалъ о томъ, какъ завтра прислуга забудетъ налить воды въ вазу и старая тетка Мурочки выкинетъ цвѣты и вставитъ въ вазу коленкоровые гiацинты на зеленыхъ проволокахъ.

Мурочка нравилась еще двоимъ. Одинъ былъ студентъ съ черными усиками и большими ушами, другой офицеръ. Оба сидѣли въ столовой, обжигались чаемъ и одновременно думали о томъ, что если-бы Мурочка была сейчасъ въ капотикъ и играла на роялѣ въ качествѣ жены каждаго изъ нихъ, у него на квартирѣ—это было бы верхомъ счастья.

Рахутинъ не обжигался чаемъ. Онъ выѣдалъ третій кусокъ сливочнаго торта, принесеннаго имъ-же и оглядывая стройную рюмочную талію Мурочки думалъ:

— Послѣ второго пискуна расползется, будетъ шляться по дому въ капотищѣ съ дырами, визжать у рояля затрепанные романсы, а по вечерамъ требовать осетрины... А ну ее къ черту...

Но Рахутину было девятнадцать лѣтъ и какъ онъ ни боролся съ этимъ, какъ ни кричалъ на сорокалѣтній разумъ, это было непреложно: девятнадцать. Поэтому чрезъ два-три мѣсяца, онъ вышелъ вслѣдъ за Мурочкой въ темный корридоръ и нагналъ ее осторожно взявъ за руку.

— Мурочка... Марья Степановна...

— Я знаю все,—быстро отвѣтила она, прижимаясь къ нему,—я уже давно догадываюсь...

Сергѣй хотѣлъ сказать что нибудь очень горячее и нѣжное, но вмѣсто этого мысленно зашепталъ:

— Еще-бы не догадаться... Поди на счетахъ уже прикинула сколько изъ меня жалованья выколотить можно, и на какой улицѣ квартиру снимемъ и какъ кухарку звать будутъ... И какую комнату для прѣзжихъ родственниковъ оставимъ...

Потомъ быстро попрощался, надѣлъ пальто, плотно застегнулъ его на всѣ пуговицы, потуже затянулъ кашнѣ и, нѣсколько минутъ провозившись съ калошами, вышелъ на улицу.

Рис. А. Р.

Ш И В О Р О Т Ь - Н А - В Ы В О Р О Т Ь .

Поздравленіе дворника квартирантами...

„В С Е Л Ё Н Н Ы Е Р А З Г О В Л Я Ю Т С Я“ .

Хозяинъ квартиры:—Тсс, жена... Молчи... Они сейчасъ уронили на полъ кусокъ нашего кулича... Когда пойдутъ спать—ты поднимешь и разговъемя тоже.

- ...Была у меня, знаете ли, фабрика фальшивых кредитокъ, да пришлось закрыть ее..
 — Засыпался?..
 — Нѣтъ—невыгодно! Бумага и краска стоятъ теперь столько, что десятирублевка себѣ обходилась 12 рублей!

Весь городъ былъ обмотанъ и затянутъ весенней лунной тканью. Луна пролѣзала въ душу. Опытъ гналъ Рахутина хорошенько выспаться, но девятнадцать лѣтъ инстинктивно тащили за городъ къ кладбищу, гдѣ сейчасъ поютъ соловьи и такая лунная тишина, что даже пьяному слесарю будетъ стыдно икнуть и постыдно выругаться.

Рахутинъ сидѣлъ на скамьѣ, почернѣвшей отъ сырости, слушалъ какъ сочно и весело бросалъ серебряный голосъ соловей въ свѣжую листву высокихъ деревьевъ и сосредоточенно думалъ о Мурочкѣ.

Минутами ему казалось, что его рука упирается не въ скользкую сырость скамьи, а радостно касается теплаго упругаго плеча Мурочки, съ котораго сползла батистовая сиреневая кофточка и что сама Мурочка тутъ, рядомъ съ нимъ, и ея теплое дыханье щекочетъ шею даже сквозь воротникъ пальто прикосновеніемъ мягкихъ перьевъ.

Что то мутное, налѣзало изъ спинного хребта, просасывалось въ голову и убѣдительно доказывало:

— Особенно если еще съ мамашей ссориться будетъ... Утромъ крикъ, вечеромъ крикъ... Та солонины не хочеть, эта баранину не любить... Закричитъ, надуется, вся красная, лицо въ прыщахъ, а потомъ ко мнѣ—не хочу здѣсь жить, вези меня въ Мариуполь къ родственникамъ...

Ему представлялась какъ растолстѣвшая Мурочка, еще не отвыкшая пудрить расплывшееся лицо съ маленькими глазками и широкимъ носомъ, сидитъ съ сосѣдской кухаркой Грушей въ столовой и захлебывающимся шопотомъ передаетъ ей о томъ, что швейцаръ самъ рассказывалъ, какъ онъ вчера ночью пускалъ къ жилищкѣ изъ двадцать перваго номера въ три часа ночи посторонняго мужчину.

Груша какъ рыба жабрами, радостно испуганно всплескиваетъ вѣками, а Мурочка сладко поджимаетъ губы и на каждое Грушино восклицаніе—да что вы, барыня! Да какъ-же это такъ, барыня—убѣжденно произноситъ:

— Увѣрю васъ, Грушенька... Я этихъ образованныхъ дѣвицъ знаю... Насмотрѣлась на нихъ, когда барышней была...

Рахутинъ рѣзко вскочилъ со скамьи, нагнулся, схватилъ камень съ которымъ машинально игралъ ногой и, со злобой ухнувъ, съ силой пустилъ его въ сторону большого широкаго дерева, откуда долеталъ сверлящимъ ручьемъ соловьиный голосъ:

— Молчи, свинья... Я тебѣ ноги выверну! Расплѣлся...

V.

И снова былъ теплый безпредѣльно ласковый день. Солнце обогрѣвало землю, гладило шелковистыми горячими руками маленькую рѣчку отгоняя къ берегамъ водянистую рябь и выгоняя липкую смолу изъ древесныхъ стволовъ. И снова вышли суслики погрѣться надъ солнцемъ, а въ Самарской губерніи, около деревни Новозыбовки, у только-что поднявшагося молодого овса стоялъ городской человѣкъ въ визиткѣ, съ краснымъ платочкомъ въ боковомъ кармашкѣ, еще молодой, но уже изнеможенный и обчорщенный жизнью и тупымъ страдальческимъ взглядомъ всматривался въ небо.

— Господи,—шепталъ городской человѣкъ—это я, Рахутинъ. Верни мнѣ мои сорокъ два года... Я не могу такъ мучиться...

И случилось новое чудо. Какъ въ 1898 году, среди теплыхъ солнечныхъ волнъ и горячей тишины, пронеслась густая бархатистая октава:

— Ладно. Валяй дальше.

И въ то-же мгновеніе почувствовалъ Рахутинъ, что у него застарѣлая изжога, что животь начинаетъ тяжѣть и повисать складками, лакированныя ботинки морщатся и рыжбуютъ, волосы тають на головѣ и осѣдаютъ на головѣ помятый котелокъ.

А черезъ десять минутъ около дачи Рахутина уже разливался и тревожилъ сосѣдей его сочный, весь пропитанный счастьемъ и радостью голосъ:

— Братцы, братцы... Мнѣ сорокъ два года... Сорокъ

два года... Жена ласково посмотрѣла внизъ съ балкона, а шестнадцатилѣтняя Наташа завистливо пожаловалась.

— А мнѣ семнадцатый... Какъ хорошо, если-бы я была такая-же опытная какъ ты, мамочка, все-бы знала, все видѣла... Я-бы сразу раскусила эту поганку Варю и Антонъ Петровичъ не посмѣлъ-бы за глаза смѣяться надо мной, что я глупая, ничего еще не понимаю и...

— Дура, дура, кричалъ снизу Рахутинъ,—скажи мамѣ...

И случилось третье чудо: мнръ увидѣлъ перваго чело-вѣка, который былъ счастливъ тѣмъ, что не зналъ какъ надо жить дальше, не догадывался въ какой квартирѣ онъ будетъ жить зимой, съ какимъ любовникомъ уйдетъ жена, сопьется-ли его сынъ—и гордился этимъ, радовался этому.

Объ этомъ много говорится въ книгахъ арабской мудрости, но арабамъ не слѣдуетъ вѣрить. Они живутъ слишкомъ долго и привыкли врать. Я-же писалъ о живомъ чело-вѣкѣ, котораго хорошо знаю. Я думаю, что точное указаніе мною года когда это произошло и мѣсто, гдѣ это случилось только подчеркиваютъ достовѣрность проис-шествия.

Арв. Вуховъ.

ВЕСЕННЕМУ СОЛНЦУ.

Черезъ равнины холодныя, снѣжныя,
Иноземная движется рать
Наши русскія души мятежныя
Заодно и губить и спасать.

Тотъ, кто счастливъ въ россійской сумятицѣ,
Кто еще не усталъ отъ свободъ,—
— Тотъ предъ нѣмцемъ не сразу попятится,
Тотъ къ борьбѣ и побѣдѣ зоветъ;

Ну, а тотъ, кто страдаетъ и бѣдствуетъ,
Кто усталъ наше горе терпѣть,—
— Втихомолку невольнo привѣтствуетъ
Иноземную, крѣпкую плеть...

А изъ края, гдѣ жизнь зарождается,
Изъ невѣдомой глазу страны
На усталую Русь надвигается
Золотое сіянье весны;

Надъ землей, городами и селами,
Надъ унылой чредой деревень
Все сильнѣе лучами весельми
Разгорается солнечный день...

И, отбросивъ гордыню побѣдную,
Я горячему солнцу молюсь:
Обогрѣй нашу жалкую, бѣдную,
Позабывшую русскими Русь;

Дай ей то дорогое, немногое,
Чго имѣеть любая страна,
Пусть хоть узкой, но свѣтлой дорогою
Подвигается къ жизни она;

Дай подняться готовому сѣмени,
Дай родному цвѣтку расцвѣсти,
Чтобъ скитальцамъ, безъ роду, безъ племени,
Было легче отчизну найти;

Черезъ скопище тьмы полу-дикое
Свѣтлый лучъ на лицо ей направь,
Отними у нея все великое,
Но родное, святое—оставь....

Всеволодъ Вастучинъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Истость и солдаты.

На митингѣ въ циркѣ Чинизелли нѣкто Кубиковъ—дѣлалъ сообщеніе объ одномъ изъ завоеваній революціи:

— Мы не дозрѣли до коренного переворота, — сознается Куби-ковъ.—Когда океанъ невѣжества начинаетъ творить при помощи ружей—онъ громитъ культуру. Страшно сказать, страшно вспомнить о разгромѣ музея Герещенки въ Кіевѣ. Отъ пятисотъ картинъ не осталось ничего, кромѣ лохмотьевъ и обрывковъ. Когда солдаты рвали на клочья „Христа на Генисаретскомъ озерѣ“, кто-то спросилъ: „чья это картина?“ сказали — Полѣнова. „Бей его полѣномъ“.

Нельзя сказать, чтобы въ углубленіи русской революціи не было планомѣрности: картина Полѣнова—бей ее полѣ-номъ, картина Рѣпина—бей ее рѣпой, а Рубенса просто руби чѣмъ ни попадя!.

Придется вмѣсто знаменитыхъ «Совѣтовъ молодымъ хозяйкамъ», выпустить «Совѣты молодымъ солдатамъ»— чѣмъ по какой картинѣ дубасить.

Севастопольскій Тамерланчикъ.

Есть такой комиссаръ черноморскаго флота Спиросъ.

Вмѣсто того, чтобы дубасить по мертвой картинѣ онъ для собственнаго увеселенія рѣшилъ дубасить по живому городу.

Вотъ что сообщаетъ «Новый Лучъ»:

Комиссаромъ черноморскаго флота Спиросъ, былъ отданъ приказъ матросу Пожару, отправиться въ Одессу, принять тамъ командованіе надъ всѣми морскими силами, имѣющимися въ одесскомъ порту, и разстрѣлять городъ изъ военныхъ судовъ: „Синоплъ“, „Ростиславль“, „Алмазъ“ и др., которыя для этой цѣли должны выстроиться на рейдѣ. Спиросъ нѣсколько разъ повторялъ, что дѣйствовать слѣдуетъ безопадно, что слѣдуетъ разрушить весь городъ къ „чортовой матери“.

Мы лично думаемъ, что чортова мать предпочла бы большому городу маленькаго Спиросъ.

Викводъ, Кловоморъ и Кловодъ.

Радуйтесь, товарищи! ко всѣмъ Викжелямъ, Совдепамъ и Наштаверхамъ прибавились новыя, звучныя, но непонятныя слова:

Викводъ—Ц. К. Рѣчн. И Водн. Транспорта.

Ковомаръ—Упр. под. фл. Волжск.-Камск. Басс. и Мар. сист.

Клаводъ—это ужъ даже и мы не знаемъ.

Такъ оно говорится—клаводъ.

— Клаводъ-те забодай!

Самоопредѣленіе балаевцевъ.

Балаевскій хуторъ твердо рѣшилъ:

— Вы тамъ себѣ, какъ хотите, а волимъ подѣ короля аглицкаго:

„Современное Слово“ сообщаетъ, что казаки Балаевскаго хутора на Кубани постановили объявить себя подданными англійскаго короля о чемъ станичный кругъ сдѣлалъ формальное постановленіе.

Пріятный подарокъ англійскому королю ко дню рожденія.

Отнынѣ:

— Мы, Король Великобританіи, Индіи и Балаевскаго хутора!

Изъ пѣсни-то вѣдь слова не выкинешь...

Въ хотъ спрашаяца

Петроградскіе гости въ Москвѣ:

Въ зданіи суда размѣстился центральный исполнительный комитетъ совѣтовъ р. и с. д. На двери одной изъ комнатъ во второмъ этажѣ вывѣшенъ плакатъ:

„Предсѣдатель Ц. И. К.“

И подъ нимъ листокъ бумаги, на которомъ изображено при помощи ремингтона буквально слѣдующее:

„Въ хотъ вкомнату постороннимъ лицамъ строго спрашаяца. Прошу абращать вниманія низаходитъ“.

Вотъ это именно и называется:

— Филькина грамота.

Распоясались.

Такъ, обыкновенно, говорятъ гостепримные хозяева:

— Пожалуйста, располагайтесь. Будьте, какъ дома.

На этотъ разъ „какъ дома“ почувствовали себя румыны:

Изъ Кишинева сообщаютъ, что въ связи съ отказомъ въ Молдавскомъ полку солдатъ выполнять черную работу румынскій комендантъ опросилъ желающихъ выѣхать въ Россію. О такомъ желаніи заявило 50 чел.: изъ нихъ 17 разстрѣяны, судьба остальныхъ неизвѣстна.

— Ребята! Желющие могут ѣхать въ Россію. Кто желяетъ?

— Мы желяемъ.

— Ага! Ну, треть изъ нихъ разстрѣлять—остальные пусть ѣдутъ.

Углубили революцію. Всякая мразь сапогомъ топчетъ, а мы подобоострастно молчимъ.

Историческая замѣтка.

Къ исторіи завоеванія Одессы Муравьевымъ:

... Собрать въ думѣ банкировъ и фабрикантовъ, Муравьевъ заявилъ: положеніе—серьезное: врагъ у воротъ Одессы. Вы рады, но радость ваша преждевременна. Весь флотъ сосредоточится въ Одессѣ. Отъ вашихъ дворцовъ останется пепель. Требую въ трехдневный срокъ десять милліоновъ, иначе заставлю васъ рыть окопы, позади васъ поставлю пулеметы, утоплю васъ въ морѣ, ваши семейства отдамъ на растерзаніе черни. Напрасна ссылка на отсутствіе денегъ; всюду говорили такъ, но подъ кнутомъ доставали.

И вѣрно! Еще одинъ изъ героевъ Чехова говорилъ, что если зайца сильно бить — онъ научится изъ пистолета стрѣлять.

Взглядъ въ корень.

Простое разрѣшеніе вопроса:

И. К. Совѣта Рабочихъ Депуатовъ Донской Области постановилъ удвоить хлѣбный паекъ для лицъ, занимающихся физическимъ трудомъ, за счетъ буржуазіи, которая совершенно лишается этого пайка.

Живучая эта собака, буржуазія. Живучая-то живучая, а все таки издохнетъ.

Х о р о в о д ъ .

Авраамъ роди Исаака, Исаакъ роди Іакова:

Въ Иркутскѣ закрыты „Сибирь“, „Свободный Край“, „Свободная Сибирь“. Редакторъ „Сибири“ Гольдбергъ былъ арестованъ, но на другой день освобожденъ прокуроромъ, за что послѣдній былъ въ свою очередь арестованъ.

А если бы прокуроръ, вмѣсто освобожденія, застрѣлилъ Гольдберга—поди онъ, еще награду какую получилъ или медаль „за усердіе“.

Потому она, большевистская Сибирь, тово...

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

Въ отвѣтъ на многочисленные запросы знакомыхъ и не знакомыхъ о судьбѣ капиталовъ, лежавшихъ въ моемъ сейфѣ, въ Сибирскомъ банкѣ (сообщеніе о взломѣ моего сейфа финансовыми дѣятели было напечатано нѣкоторыми газетами)—спѣшу сообщить, что, конечно, извѣстный матеріальный ущербъ имѣлъ мѣсто.

Во первыхъ, сломанъ очень хорошей ящикъ... Какъ сейчасъ вижу его: металлическій, изящный и такой аккуратный, что я въ свое время глазъ отъ него не могъ оторвать...

Во вторыхъ, меня заботитъ и судьба содержимаго сейфа. У меня тамъ лежалъ пустой конвертъ формата in folio изъ прекрасной плотной бумаги, правда немного надорванный съ одного края, но если бы надорванное мѣсто подклеить, то конверту и сносу бы не было.

Вотъ, пока что, всѣ мои личные убытки отъ націонализаціи банковъ.

Конечно, разореніе—страшная вещь, но я перенесъ этотъ ударъ довольно крѣтко и безропотно.

Чтожъ.. буду здоровъ, наживу еще.

Примите увѣреніе, въ чемъ полагається.

Архадій Аверченко

(Бывш. извѣстный капиталистъ).

Милостивые Государи!

Въ № 41 журнала „Весь міръ“ помѣщено объявленіе: „любое порученіе въ Петроградѣ исполняетъ спеціальное бюро. ага отъ 1 руб. На отвѣтъ прилагать 30 коп. марками.

Адресъ: Петроградъ, почт. ящикъ 316 Г. Данингъ“.

ты въ Петроградѣ, Вамъ разыскать г-на Г. Данинга, исполняющаго любое порученіе, не трудно.

Не поручите ли Вы г-ну Г. Данингу навести въ Петроградѣ хотя бы нѣкоторый порядокъ.

ите увѣреніе въ истинномъ почтеніи.

К. К. Меднисъ.

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
А. С. Буховъ.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88.—Тел. 59-07.

6-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

на 1918 годъ.

„Новый Сатириконъ“.

52 №№ обильно иллюстрированнаго | 2 цѣнныхъ премій (бесплатно).
журнала въ краскахъ.

за 12 мѣс. (съ преміями)—30 руб. за 6 мѣс.—15 руб., за 3 мѣс.—

7 р. 50 к. и за 1 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88, Тел. 59-07.

1940 г.
Д. АНТ № С.10/20

П Е Р В О Е М А Я

Рис. А. Радакова.

ДЕНЬ ПЕРВОМАЙСКОЙ ГВОЗДИКИ.

Ленинъ:—Вотъ, голубчикъ, кушай. Красная гвоздика. Твое любимое блюдо.

Рабочій.—Эхъ! Къ этому бы кушанью да гарнир изъ картошки, да говядины!!.